

Кан Син Чжэ дебютировала в 1949 году циклом рассказов «Лицо», «Чхан Сум», «Возвращение в горы» и других. Впоследствии именно рассказы, а не романы создали ей литературное имя в читательских кругах. Главная тема ее произведений – судьба женщины в современном мире, этика и гармония любовных отношений. Нравственной основой творческих устремлений Кан Син Чжэ является конфуцианская этика семейных отношений, теряющая свое место в современных условиях жизни. Глубоко психологичные рассказы о перипетиях женской любви служат тому наглядным примером. Практически все рассказы, созданные Кан Си Чжэ, являются продолжением лучших традиций жанра корейской новеллистики [17, с.181-184].

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Калжанова Г.Н., Жумахан С.Ж., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

С установлением независимости Казахстана активизировались контакты казахской литературы со многими зарубежными литературами. Что касается литературных отношений независимого Казахстана с Испанией, то они только начинают развиваться. Положительным фактом можно назвать встречу казахстанских читателей с представителями литературного сообщества Испании несколько лет тому назад в Национальной библиотеке РК [7]. В 2002 году в Алматы был издан роман «Надя» [11] Франциско Паскуаля де ла Парте, который был в то время послом Испании в Казахстане. «Роман назван по имени главной героини Надежды Рыбаковой, ... вынужденной расстаться с любимой работой для того, чтобы содержать свою небольшую семью. Действие произведения развивается в постперестроечной России, в январе 1997 года» [12, с.332]. Чтение романа вызывает интерес, так как сходная ситуация была и в Казахстане тех лет. Интересным фактом стала публикация стихов известного испанского поэта Фредерико Майора в переводе на казахский язык в 1997 году. Его стихи были переведены поэтом Гемирханом Медетбековым. В сборник «Федерико Майор. Элендер» [13] вошло 70 стихов, охватывающих период с 1988 по 1990 годы. Многие из них были написаны во время посещения им Франции, Канады, Бельгии, Японии, Индии, Мавритании, Йемена, Египта, Эфиопии, Нигерии, Пакистана. Произведения казахстанских авторов издают в Испании. В 1993 году в Барселоне вышел в свет сборник рассказов Дуkenбая Досжанова в переводе на испанский язык Х.Мануэля. В 1987 году в Испании опубликовали роман «Кровь и пот» Абдижамила Нурпейсова.

В контексте современного развития мировой литературы развитие каждой национальной литературы проходит в соответствии с общими тенденциями эволюции мирового художественного процесса. Наблюдаются одинаковые для всех национальных литератур проблемы, связанные с глобализацией и коммерциализацией общества и проистекающими отсюда последствиями. Общие для всех современных литератур проблемы свойственны и казахской литературе, так как в последние годы происходит органичное вхождение казахской литературы в контекст мировой художественной культуры. Изучение опыта всех национальных литератур необходимо для полноценного развития каждой отдельной литературы. И.-В.Гете считал, что каждая нация «найдет у каждой другой и нечто приемлемое... такое, чему следует подражать,

и такое, чего нужно избегать. ...Потому что, когда лучше знают взгляды друг друга и если эти взгляды совпадают, из этого быстрее возникает надежное доверие» [14, с.57]. По мнению И.-В.Гете, сближен литератур отроет путь для взаимопонимания народов и их ф душего процветания. Он призывал к организованному единству и содружеству писателей различных стран. Идеи Гете, высказанные им почти два столетия назад, актуальны и в наши дни.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛГАРСКОЙ ПРОЗЫ ХХІ ВЕКА

Касен А.К., Манат Т.М., Балтабаева Г.С.

Центрально-Азиатский университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В последние годы, где-то с начала нового тысячелетия, в текущем социополитическом контексте болгарской литературы протекает ускоренный процесс стабилизации и утверждения правого – процесс, к которому литература остаётся критически индифферентной. После периода институциональной дестабилизации в 90-е годы (время «мутной воды»; или говоря другим жаргоном – первоначального накопления капитала) сегодня статус-кво категорично определён. Как центральная, конститутивная сила в нём очерчен прогрессирующий *плохой этатизм*. Этатизм, который реализуется не в сферах социально-гуманного, а имеет административно-репрессивный характер: государство действует как сверхинституция, которая сводит свои обязанности только к своим первичным функциям контролировать, шпионить, регламентировать, запрещать и, в конечном счёте, заботясь прежде всего о собственной институциональностиTM – всё более редуцировать индивидуальные свободы своих горожан (часто под благовидным и не терпящим возражения предлогом для борьбы с преступностью, с которой она в немалой степени срослась). Развивая на самом высоком уровне *корпоративный капитализм* американского типа, государство через свои институты всё более откровенно действует в интересах частных или классово-корпоративных, невзирая на собственную социальную демагогию.

В подобной ситуации моральный долг литературы – вернуть свою критичность, свой гуманистичный пафос.

Мы наблюдаем как раз обратное. Своим безразличием к социальному, служением удовольствию, поверхностному и эфемерному, целостной утратой своих онтологических и метафизических измерений литература активно включается в производство и утверждение потребительских ценностей капитализма.

Это что-то большее, чем просто контрмодернизм. Это отказ от морали в полном, гуманистичном смысле сего понятия. Даже там, где моральное вроде бы налицо, оно представлено весьма *плоско*, переведено на язык развлекательного и, в конечном счёте, инфантилизированно. В «проблему» превращено элементарное, вегетативное удовольствие от жизни, первосигнальное потребление счастья и удачи – сверхценности, которые обслуживают потребительский механизм.

Со своим радикальным контрмодернизмом литература в последние годы всё больше и больше продвигается по пути саморазоблачения как явление с правым, *охранительским* характером. Она все больше интегрируется в тот процесс демократизирования потребительской этики, который в универсальном плане характеризует постмодерности (с 1950 года до сих пор). Кардинальная антитеза модерности между культурой и властью преодолена, происходит позор-